*Арабаджян З.А.**

АМИР АББАС ХОВЕЙДА: МАСОН И БЕХАИТ?

***Аннотация*:** Амир Аббас Ховейда более 12 лет возглавлял правительство монархического Ирана. Однако в период революции 1978-1979 гг. он был арестован по целому ряду обвинений. После победы этой революции новыми властями страны был проведен скоротечный судебный процесс. В результате ему было выдвинуто 18 обвинений и вынесен смертный приговор. Среди этих обвинений были принадлежность к иранским масонам и к религиозной секте бехаитов. В статье делается попытка разобраться в том, мог ли Ховейда одновременно быть и масоном и бехаитом.
***Ключевые слова*:** Иран, Ховейда, масоны, бехаиты, исламская революция.

Амир Аббас Ховейда является уникальной политической фигурой в иранской истории. Он возглавлял правительство Ирана более двенадцати с половиной лет – с 25. 01.1964 по 07.08. 1977 гг. В иранской истории было несколько политических деятелей, которые назначались на эту должность по три и даже четыре раза. Но никто ни до, ни после Ховейды не возглавлял правительство страны столько лет.

После победы революции 1978–1979 гг. новая власть очень оперативно провела судебный процесс, в ходе которого прокурор выдвинул против него обвинения по восемнадцати пунктам. В результате скоротечного процесса Ховейда был приговорен к смертной казни и через несколько часов после вынесения вердикта расстрелян.

Среди всех обвинений были два нижеследующих:[1]

– «Участие в качестве активного члена в масонской ложе Форуги, что подтверждено существующими документами и признаниями обвиняемого». (Пункт обвинения № 11)
– «Борьба против Бога, Божьих созданий и наместника имама века». (Пункт обвинения № 2)

Если с пониманием первого обвинения вопроса не возникает, то второе нуждается в пояснениях. Здесь имеется в виду не столько возможная борьба против Бога и грядущего прихода на землю сокрытого имама Махди, чего в явной форме Ховейда, естественно, делать не мог, а постоянно и не беспочвенно циркулировавшие разговоры о его принадлежности к секте бехаитов. Попытке разобраться в обоснованности этих обвинений и посвящена настоящая статья.

---

[1] *Арабаджян Завен Артемович* – к.э.н., старший научный сотрудник ИВ РАН

Не вдаваясь в историю иранского масонства, следует отметить, что оно пришло в Иран в XIX в. Среди первых иранских масонов были представители традиционной знати, придворные, послы в европейских странах, выходцы из привилегированных слоев, отправлявшиеся на учение в Европу за казенный счет. Одним из них был Мальком-хан (армянин, принявший ислам), который, находясь во Франции, вступил в ложу Синсер Амитье – дочернюю структуру Великого Востока Франции, а когда вернулся в Иран, создал в 1858 г. первую иранскую нерегулярную (поскольку не имел на то полномочий от Синсер Амитье) масонскую ложу Фарамушхане (Дом забвения).

Ховейда, согласно распространенному мнению, вошел в масонские круги в период своей работы в Женеве в аппарате Верховного комиссара ООН по делам беженцев в 1952–1956 гг. По возвращении в Иран вступил в местные масонские ложи, в т. ч. Ложу Моулави, Ложу Тегерана, Большую ложу Ирана, Ложу Страны, а также Ложу Форуги (создана в 1960 г.). Его карьерному росту способствовали его бывшие начальники или знакомые, в т. ч. Раджабали Мансур и Абдула Энтезам, которые также были масонами. За почти 13 лет его пребывания на посту премьер-министра он назначил 16 масонов на министерские должности в своих кабинетах [2].

Отметим, что сотни представителей иранской политической элиты входили в различные ложи. В то же время среди представителей иранского истеблишмента были люди, настроенные против масонов весьма решительно и пытавшиеся использовать этот вопрос для ослабления авторитета Ховейды в глазах шаха. Одним из них был Асадулла Алам, министр двора с 1967 по 1977 гг. Он приложил много усилий для издания фундаментальной монографии о масонах Ирана Эсмаила Раена «Фарамушхане и франкмасоны в Иране».

В этой работе, которая вышла в начале 1969 г., в списке иранских масонов – членов Ложи Форуги упоминалась фамилия Ховейды, но без указания имени. Однако нельзя сказать, что Амир Аббас был единственным, против кого она была направлена. Хотя в списках присутствовали имена членов правительства, сенаторов, депутатов Меджлиса, известных журналистов и пр., одной из целей ее издания для Алама, несомненно, было не дать Ховейде закрепиться в должности премьер-министра.

Накануне поступления этой книги на прилавки магазинов Алам опубликовал памфлет, в котором касался и вопросов масонства в Иране. Он, в частности, писал следующее: «Когда франкмасоны приходили ко мне и настойчиво приглашали (вступить в их ложи), я говорил, что считаю для себя за честь целовать руку шаха Ирана и не готов целовать руку кого-либо другого, хотя бы и английского короля»[3].

При продвижении указанной книги Алам использовал полученное им ранее согласие шаха на освещение масонской проблематики в стране. Однако прежде всего он опирался на поддержку императрицы Фарах, которая видела в масонах угрозу династии Пехлеви. Об этом говорит запись от 04.05.1970 г. в его дневнике, в которой излагается содержание беседы

с Фарах Пехлеви: «Затем, говоря о книге про франкмасонов, которая была недавно опубликована, отметила, что там приведены имена всех представителей правящей элиты, кроме моего, – премьер-министр, Шариф Имами, доктор Экбаль, Рийази. Ее величество заявило: «… на мой взгляд, мы должны охарактеризовать это (масонство – *З.А.*) как нечто неприемлемое, ведущее к тому, что мы превратимся в орудие в руках иностранцев? Те, кто связал свою судьбу с франкмасонами, должны быть отстранены от дел. Все».

В общем, такое ощущение, что ее величество опасается за будущее, что небезосновательно. Однажды, быть может, ее сын сядет на трон. И все, что ослабляет существующий режим, подвергает это опасности… .»[4]

Вопрос об иранском масонстве крайне сложен и запутан и требует отдельного изучения. Здесь достаточно лишь отметить, что в указанной работе, состоящей из трех томов, намекалось на членство шаха в одной из лож. Из этой работы следовало также, что Большая масонская ложа Ирана была переименована в Ложу Пехлеви, а впоследствии стала называться Августейшая ложа.

Следует отметить, что в действительности масонство создавалось для скрытого продвижения английских интересов под покровом рассуждений о нравственном самосовершенствовании личности, что приравнивалось к возведению храма и усовершенствованию общества, направленного на добро и прогресс. Замечательный русский геополитик А.Е. Вандам (Едрихин) в начале прошлого века показал, как англичане распространяли масонские организации по Европе: «Первая, или «великая ложа» основана была в Лондоне в 1717 г. и, чтобы сделать новое масонство вопросом моды, на должность мастера выбрано было высокопоставленное лицо, а распространение нового масонства по другим странам взяли на себя английские аристократы. Вслед за новыми ложами в Англии лорд Дервенсватер, дворянин Момелон, сэр Гентри и несколько других английских джентльменов устроили ложи во Франции. Великий мастер граф Стратмор дал посвященным в Лондоне одиннадцати немецким господам и добрым братьям разрешение на открытие лож в Германии. Секретарь английского посольства в Стокгольме Фулман получил приказание лорда Банлея организовать ложи в Швеции. Лорд Гамильтон открыл ложу в Женеве; герцог Мидлэссекский – во Флоренции, Милане, Вероне, Падуе, Венеции и Неаполе; лорд Калейран – в Гибралтаре и Мадриде; Гордон – в Лиссабоне, Миних – в Копенгагене; капитан Филипс – в Петербурге, Москве, Ярославле и Архангельске.

Как общее правило, в члены лож принимались только лица, наиболее влиятельные по своему общественному или служебному положению. Затем для заведования ложами в каждой стране назначалась своя «великая ложа», великий мастер которой, нося звание провинциального, в свою очередь подчинялся английской ложе. Таким образом, все государства Европы превращены были в своего рода английские провинции. На ритуалах лож читалась особая молитва за английского короля. Местные английские

дипломаты были наиболее почетными членами лож, а наезжавшие из Лондона члены ложи-родоначальницы – наиболее почетными гостями»[5].

Однако не следует придавать чрезмерного значения роли масонства по управлению мировыми процессами во второй половине XX в. Дело в том, что за прошедшие с 1717 г. века мир существенно усложнился, и масонские структуры как организации, служившие интересам британской короны, перестали соответствовать требованиям времени, изменилась и роль самой Великобритании. Уже с конца XIX в. начали формироваться серьезные наднациональные структуры совершенно иной природы.

Пожалуй, первой такой структурой была «The Group» или «We» (существует до настоящего времени), созданная Сессилем Родсом. Впоследствии таких структур становилось больше. Некоторые из них, такие как Бейдельбергский клуб (действует с 1954 г.), Римский клуб (создан в 1968 г.), Трехсторонняя комиссия (действует с 1973 г.), являются полузакрытыми структурами, т. е. такими, о деятельности которых широкая публика узнает только то, что они сами пожелают обнародовать. Иные, например Серкли и Сиекли, и вовсе закрытыми.

Именно такого рода структуры активно вытесняли масонские ложи, отчасти превратившиеся в некий декоративный элемент, и взяли на себя функции по управлению и согласованию интересов различных групп мировой элиты. Но вот был ли Амир Аббас Ховейда членом одной из них или хотя бы посещал их заседания в качестве приглашенного гостя, нам не известно. По крайней мере, его критики об этом не упоминают.

Теперь рассмотрим вопрос о принадлежности Ховейды к секте бехаитов. Слухи о принадлежности к бехаитам основаны на том, что он родился в известной бехаитской семье. Его дед Мохаммад Реза Ганнад Ширази был современником и последователем основателя этого религиозного течения Бахауллы. Как известно, учение Бахауллы и сама секта его последователей (бехаитов) выросли из бабизма, путем отхода от его революционно-эгалитарных постулатов, через развитие имевшихся в нем в зачаточном виде либеральных начал. Оно предельно веротерпимо, и бехаитами могут стать люди любой национальной и конфессиональной принадлежности.

Дед Ховейды имел двух сыновей и дочь, однако только его сын Мирза Хабибулла вслед за отцом принял учение бехаитов. Поскольку семья Мохаммеда Реза Ганнада была исключительно предана лидеру бехаитов того времени Аббасу Эфенди, то постоянно подвергалась притеснениям в Иране и была вынуждена переселиться в Акку, небольшой, но древний город в западной Галилее на средиземноморском побережье современного Израиля. Этот город был и по сей день остается центром бехаизма. Достаточно отметить, что там располагается великолепный парк Сады Бехаи, в котором находится могила основателя бехаизма Бахауллы. Там дед Ховейды поступил на службу в аппарат Аббаса Эфенди и пользовался благосклонностью начальства.

Его сын Хабибулла учился в Акке, а потом на средства Аббаса Эфенди был направлен на обучение в Европу, где выучил английский и французский языки. После путешествия в Европу он вернулся в Тегеран, работал в качестве переводчика при известном участнике иранской революции 1905–1911 гг. Сардар Асаде Бахтиари. Затем работал в популярной в те времена газете Раад и примерно в это время получил титул Эйн аль-Мольк. Позднее, как говорят, благодаря связям с бахтиарами, поступил на службу в иранский МИД и был командирован в Сирию и Ливан в качестве консула. Также работал в Джидде и был в контакте с домом Аль-Саудов. Когда в Иране началась кампания по определению фамилий для всех граждан, он выбрал себе фамилию Ховейда, что в переводе с персидского языка означает «ясный, очевидный, видимый».

Амир Аббас Ховейда родился в 1919 г. в Тегеране. Его отец, глубоко почитавший руководителя бехаитов Аббаса Эфенди, назвал своего сына в его честь и дал ему имя Аббас. При этом в качестве первого имени выбрал имя Амир. Так и получилось имя Амир Аббас.

В отношении участия самого Амира Аббаса Ховейды в деятельности бехаитов имеются некоторые свидетельства. Вот как описывалось участие Ховейды в деятельности бехаитов в одном из отчетов САВАК: «Заседание комиссии было проведено 28.05.1969 г. на квартире Асадуллы Годсизаде. На этом заседании докладчик Аббас Эгдаси выразил признательность и благодарность министру двора Асадулле Аламу и Амиру Аббасу Ховейде – бехаиту и сторонника бехаизма за их благорасположение к бехаизму. На этом заседании также отмечалось, что наши успехи, (успехи) бехаитов состоят в том, что в каждой структуре в Иране, в каждом министерстве мы имеем по одному шпиону и раз в неделю информируем руководство бехаитов о планах правительства, которые оно докладывает шахиншаху ариамехру»[6].

В разгар революции в конце октября1978 г. САВАК доносил с одного из собраний бехаитов: «При поддержке бейт ал-адль (дом справедливости – духовный центр бехаитов, управляющий делами общины – *З.А.*) господин Ховейда 13 лет правил Ираном и община бехаитов достигла значительного прогресса, и влиятельные бехаиты, заняв в Иране ответственные посты, вывели деньги государства за границу»[7].

Надо сказать, что указанные донесения выглядят совсем неубедительно. Прежде всего, иметь по одному человеку в министерстве, чтобы знать о вопросах, докладываемых шаху, если этот человек не сам министр, явно недостаточно, да и не стали бы бехаиты называть своих людей в министерствах шпионами. Тот, кто выводит за границу деньги, никогда не скажет, что выводит деньги государства, ибо это значит признать факт воровства. Все убеждены, что выводят именно свои средства. Ну и конечно, эти донесения вызывают сомнение тем, что к числу сторонников бехаизма причислили и Асадуллу Алама, который никогда в этом замечен не был. Поскольку данные материалы были обнародованы после победы революции 1978–1979 гг.,

его можно было обвинить в чем угодно: ответить он уже не мог, потому что скончался в апреле 1978 г. от онкологического заболевания.

Кроме того, примечательно и то, что вторая информация подготовлена в разгар революции и, скорее всего, сфабрикована для того, чтобы было больше оснований открыть дело против Ховейды, на которого можно было бы списать многие прегрешения системы в целом и, тем самым, сбить накал революционных выступлений.

Чтобы разобраться в вопросе о причастности Ховейды к бехаитам, следует вернуться к некоторым аспектам биографии его отца. Хабибулла вырос в Акке и был последователем учения Бахауллы. Однако после его переезда в Тегеран и женитьбы, поступая на дипломатическую службу, он должен был сделать выбор: остаться на службе и выйти из общины или остаться в общине и бросить дипломатическое поприще. Он предпочел занять пост иранского консула в Дамаске (1921 г.) и был исключен из общины. Подтверждением этого является письмо Шоджи Эфенди (глава бехаитов в 1930-е – 1950-е гг.) одному из бехаитов, желавших занять государственный пост, в котором прямо указывается на изгнание отца Ховейды из общины и говорится, что если адресат письма не откажется от должности, то будет отвергнут и изгнан из общины подобно Эйн уль-Мольку (титул отца Ховейды – *З.А.*) [8].

В силу того, что отец был исключен из общины, Ховейда и его брат Ферейдун не имели религиозного бехаитского воспитания и образования. Не случайно Ферейдун Ховейда говорил, что узнал о бехаизме в 14 лет от своего друга [9]. Такое воспитание детей вне учения Бахауллы невозможно в семье ревностного бехаита.

Очевидно, что если Ховейда был бехаитом, то он не должен был активно служить власти, занимать столь высокие посты и восхвалять монархическую систему и лично шаха, возглавлять одну из политических партий, поскольку все это противоречит принципам бехаизма. Этот принцип очень четко отражен в письме одному из верующих, написанном в марте 1934 г. канцелярией Шоджи Эфенди: «В соответствии с принципом невмешательства в политические дела мы должны не только избегать вмешательства в коррумпированную политику и частные и сектантские политические вопросы, но и избегать любых высказываний о какой-либо существующей политической системе, связанной с каким-либо правительством. Мы должны не только не вставать на сторону ни одной из действующих политических партий, групп или систем, но мы также должны отказаться от любого заявления, которое может быть истолковано как симпатизирующее или антагонистическое по отношению к любой существующей политической организации или философии. Отношение бехаитов должно быть полностью отчужденным. Они ни за, ни против какой-либо политической системы. Не то, что они являются недоброжелателями своих правительств, но из-за некоторых основных соображений, вытекающих из их учения и административного механизма их веры, они предпочитают

не впутываться в политические дела, чтобы не быть неверно истолкованными, неправильно понятыми их земляками» [10].

С учетом этого, Ховейда, даже если он был членом общины в юности, должен был ее покинуть при поступлении на службу в МИД.

Резко отрицательным было и отношение к членству бехаитов в масонских ложах, что нашло отражение в телеграмме Шоджи Эфенди от 22.12.1954 г. в адрес Национальной Духовной Ассамблеи Британских островов: «Любой бехаит, намеренный остаться членом Франкмасонской ложи, лишается права голоса» [11].

Лишение административного права, т. е. права голоса, еще не означает автоматического исключения человека из общины, однако существенно ограничивает его права и возможности и зачастую за ним может последовать и исключение.

Вероятно данное предупреждение не всегда соблюдалось членами бехаитских общин, и 17.02.1956 г. руководящий орган от имени Шоджа Эфенди выпускает предупреждение, в котором, в частности, отмечается: «… все Бехаиты везде были призваны отказаться от своих старых связей и отказаться от членства в масонских и других тайных обществах, чтобы быть полностью свободными, чтобы служить вере Бахауллы как единое тело… Хранитель хочет, чтобы бехаиты освободили себя от всего, что может каким-либо образом в настоящее время или в будущем, поставить под угрозу их независимый статус как бехаитов и наднациональный характер их веры» [12].

Кроме того, существуют свидетельства того, что сам Ховейда принимал ограничительные меры против бехаитов. В отчетах САВАК, опубликованных после падения шахского режима, имеется информация о том, что он в 1967 г. приказал уволить бехаитов, работавших в Министерстве нефтяной промышленности, а также всех студентов бехаитов, которые на средства Министерства нефтяной промышленности учились в медицинских училищах [13].

Очевидно, что такие действия против бехаитов предпринимались Ховейдой как человеком широких взглядов, не из-за ненависти к ним, а скорее с целью опровергнуть постоянно циркулировавшие в иранском обществе слухи о его принадлежности к этому верованию. Однако ничего не помогало, даже выступления шаха по этому вопросу [14].

Ховейда не ограничивался указанными выше ограничительными мерами против бехаитов, но хотел использовать и прессу для создания образа его и его близких как образцовых мусульман. Так, во время частного обеда в своем доме с одним из известных журналистов, на котором присутствовала и мать Амир Аббаса, он рассказывал о жизни своего отца в Саудовской Аравии, где Эйн уль-Мольк служил в качестве иранского посланника. Ховейда, в частности, заявил, что тогда Ибн Сауд подарил отцу фотографию куска ткани, которой укутана Кааба, а его мать хранит его все эти годы, называя драгоценным подарком. Ему определенно хотелось, чтобы рассказ

об этом попал в печать и помог развеять мнение об их приверженности бехаизму [15].

С учетом изложенного, нет никаких оснований утверждать, что Ховейда являлся бехаитом, однако следует учесть и следующее обстоятельство.

Эволюция человечества, особенно во второй половине двадцатого века, дала множество примеров ослабевания религиозных норм и устоев среди представителей всех конфессий и верований, примеры чего здесь можно не приводить, поскольку они на виду у всех. Этот процесс, вероятно, не обошел стороной и бехаизм, в пользу чего говорят и приведенные выше послания руководства бехаитов своим адептам с предостережениями от уклонений от канонов и норм веры. Вот почему теоретически Ховейда мог совместить свою политическую деятельность с внутренней приверженностью бехаизму, даже если формально и был бы исключен из общины (если когда-то входил в нее) и не вел духовно-религиозной жизни, надлежащей ее члену. Но вероятность этого крайне мала.

Таким образом, мы можем говорить, что Амир Аббас Ховейда принадлежал к иранскому масонству, что, как отдельно взятый факт, вряд ли является основанием для смертного приговора, однако утверждать о его принадлежности к бехаитам объективных оснований нет.

Литература

1. Приведено по: Эхтариан М., Нахше Амир Аббас Ховейда дар тахавволате сийаси эджтемаие Иран бахман 1343 – мордад 1356, б. м., 1375, с. 186–187.
2. Эхтариан М., ук. соч., с. 161–162.
3. Цитируется по: Толуи М., «Педар ва песар», Техран, 1373, с. 735.
4. Гофтогухае ман ба шах. Хатерате махреманее Амир Асадулла Алам, б. м., 1375, т. 1, с. 236.
5. Вандам Е.А., Геополитика и геостратегия, Жуковский – Москва, 2002, с. 93–94.
6. Мир Х., Ташкилате франмасонери дар Иран, Техран, 1371, с. 210.
7. Там же, с. 211.
8. http://www.velvelehdarshahr.org/node/24, дата доступа 07.03.2017.
9. Milani A., The Persian Sphinx: Amir-Abbas Hoveyda and the Riddle of the Iranian Revolution, Mage Publishers, 2000, p. 47.
10. Hornby H., Lights of Guidance. New Delhi, India: Baha'i Publishing Trust, 1983, № 1468.
11. Shoghi Effendi., Directives from the Guardian. India/Hawaii PDF edition, 1973, p. 129. http://reference.bahai.org/en/t/se/DG/download.html, дата доступа 07.03.2017.

12. Hornby H., Ibid., № 836.
13. http://www.velvelehdarshahr.org/node/24, дата доступа 07.03.2017.
14. Naraghi E., From Palace to Prison: Inside the Iranian Revolution London: I.B. Taurus & CoLtd, 1994, p. 43.
15. Бехзади А., Шебхе Хатерат, Техран, 1375, с. 789.

Список использованных источников:

Гофтогухае ман ба шах. Хатерате махреманее Амир Асадулла Алам, б. м., 1375

Мир Х., Ташкилате франмасонери дар Иран, Техран, 1371

Раен Э., Фарамушхане ва фарамасонери дар Иран, Техран, 1357

Раен Э., Хогугбегиране Энглис дар Иран, Техран, 1347

Толуи М., «Педар ва песар», Техран, 1373

Эхтариан М., Нахше Амир Аббас Ховейда дар тахавволате сийаси эджтемаие Иран бахман 1343 – мордад 1356, б. м., 1375

Hornb H. Lights of Guidance.New Delhi, India: Baha'i Publishing Trust,1983,№ 1468

Hoveyda F. The Full of the Shah, N.Y., 1980

Milani A., The Persian Sphinx: Amir-Abbas Hoveyda and the Riddle of the Iranian Revolution, Mage Publishers, 2000

Shoghi Effendi., Directives from the Guardian. India/Hawaii PDF edition, 1973

Арабаджян З.А. Иран от революции до революции (история в лицах), М., 2018

Вандам Е.А., Геополитика и геостратегия, Жуковский – Москва, 2002